

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

1991

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория	3
Гинцберг Л.И. Московские процессы 1936—1938 гг.: позиция деятелей международного коммунистического движения	10
Дунаевский В.А. "Прожитое и пережитое": о жизни и творчестве академика Н.И. Кареева	24
Фонер Э. (США). Рабство, гражданская война и реконструкция: новейшая историография	35

ВОСПОМИНАНИЯ

Главный маршал артиллерии Воронов Н.Н. На службе военной	52
--	----

ПУБЛИКАЦИИ

23 августа 1944 г. в Румынии	86
--	----

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Член-корр. АН СССР Писарев Ю.А. Шесть десятилетий на троне: черногор- ский монарх Николай Петрович-Негош	113
Белоусов Л.С. Бенито Муссолини: политический портрет (окончание)	133
Туполев Б.М. Династия Гогенцоллернов	143

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ КНИГИ

Чакыров К. Из записок помощника Тодора Живкова	180
Дёниц К. Двадцать дней на посту главы государства	198

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Наринский М.М. Режим Виши в советских источниках и историографии	223
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Полова Е.И. Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1–2. М., 1989	231
Яхимович З.П. Движение Сопротивления в Западной Европе. М., 1990	235
Золотухин В.П. А.С. Манькини. "Эра демократов": партийная перегруппировка в США 1933–1952. М., 1990	237

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Ранчинский В.П. (Брянск). Некоторые проблемы преподавания современной истории	240
Блуменау С.Ф. (Брянск). О преподавании новой истории стран Европы и Америки	241

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, НАХОДКИ

Кузнецова Г.А. Александр I и Наполеон в Тильзите	243
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научные сессии и конференции

Ерин М.Е. (Ярославль). Проблемы истории СССР и Германии в 20–30-е годы	249
Земцов В.Н., Кузьмин В.А. (Свердловск). Начало Великой Отечественной войны и новос политическое мышление	250

Научная жизнь в вузах страны

Давлетов А.Р. (Запорожье). О научной работе кафедры всеобщей истории Запорожского госуниверситета	251
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале "Новая и новейшая история" в 1991 г.	253

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ (главный редактор)

А.В. АДО, В.А. ВИНОГРАДОВ, В.Д. ВОЗНЕСЕНСКИЙ (ответственный секретарь),
Т.М. ИСЛАМОВ, Н.П. КАЛМЫКОВ, Ф.Н. КОВАЛЕВ, И.И. ОРЛИК, Ю.А. ПИСАРЕВ,
В.С. РЫКИН, Н.И. СМОЛЕНСКИЙ, В.В. СОГРИН, Е.И. ТРЯПИЦЫН (зам. главного редактора),
Л.Я. ЧЕРКАССКИЙ, Е.Б. ЧЕРНЯК, А.О. ЧУБАРЬЯН, Е.Ф. ЯЗЬКОВ

Адрес редакции: Москва, 121002, Арбат, д. 33/12, тел. 241-16-84

© 1991 г.

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В современной советской исторической науке растет осознание настоятельной необходимости радикального теоретико-методологического перевооружения. Становится все очевиднее сомнительность широко укоренившегося убеждения, что марксистская теория исторического процесса составляет достаточный теоретический фундамент для конкретных исторических исследований. Не потому, конечно, что марксизм безнадежно устарел, как утверждают его нынешние опровергатели, перепевая буржуазную критику, от которой, впрочем, давно отказались ее наиболее серьезные представители, начиная с Макса Вебера. Другое дело, что необходимо окончательно освободиться от догматического подхода к марксизму, лишь дискредитирующего его подлинное научное значение.

Применительно к области исторического познания этот подход, в частности, выражался в убеждении, что общая социологическая теория марксизма (исторический материализм) является теоретической основой исторической науки, освобождающей ее от необходимости вырабатывать собственную теорию, предназначенную к осмыслению именно ее материала. Такая теория, однако, не может быть простым производным от социологической теории уже вследствие их различной функциональной природы и заданности. Если последняя является теорией социального *процесса*, раскрывающей общие закономерности движения истории, то первую можно охарактеризовать как теорию исторического *действия*, объясняющую конкретный ход событий, образующих определенную историческую ситуацию, с чем, собственно, и имеет дело историк.

Разумеется, эти теории нельзя противопоставлять друг другу. Так же, как отдельные события при всех качествах уникальности и неповторимости, присущих каждому из них, обретают свой объективный смысл и значение лишь будучи поставленными в общую историческую связь, так и теория, претендующая на адекватное объяснение этих событий, не может обойтись без проясняющих такую связь ориентиров, которые вырабатывает общая социологическая теория. Вопрос лишь в том, насколько эти ориентиры являются самодостаточными для изучения исторической эмпирии.

На данный вопрос мировая историографическая практика дает отрицательный ответ. Именно этим объясняется стойкое отвращение историков-конкретчиков ко всякого рода априорным теориям, претендующим на всеобъемлющее объяснение истории. Сама профессионализация истории, превращение ее в самостоятельную научную дисциплину имели в качестве одной из своих главных задач освобождение ее, по образному замечанию новейшего исследователя немарксистской исторической мысли П. Новика, от "нечестивой спекулятивной философии истории"¹.

¹ Novick P. That Noble Dream. The "Objectivity Question" in the American Historical Profession. Cambridge, 1988, p. 600.

Однако такое освобождение никак не может отменить потребность нашей науки в собственно исторической теории. Не случайно осознание этой потребности и жалобы на "дефицит теории" давно уже стали общим местом в западной историко-теоретической мысли. В условиях прогрессирующей фрагментаризации исторического познания, сопровождающейся утратой историками веры в способность их дисциплины достичь широкого взгляда на прошлое, провозглашается настоятельная необходимость создания "собственно синтетической теории истории", которая бы "сбалансировала разросшуюся специализацию и широкий аналитический подход"². Едва ли будет преувеличением сказать, что усилия создать такую синтетическую (и синтезирующую) теорию составляют основное содержание интенсивных поисков, характеризующих современное состояние западной историко-теоретической мысли.

По существу, перед аналогичной задачей стоит и советская историческая наука. Хотя следует признать, что размах и уровень разработки в ней теоретико-методологических вопросов явно не соответствуют их действительному значению. Между тем существенная разносторонняя модернизация теоретико-методологического аппарата советской историографии является важнейшей предпосылкой коренного повышения ее научной и социальной эффективности. Справедливое всегда, это положение приобретает особое значение сегодня, когда в историческую науку хлынул целый поток ранее замалчивавшихся или искажавшихся знаний. Связанное с этим переосмысление больших разделов отечественной и всемирной истории необходимо предполагает в качестве своей предпосылки обретение исторической наукой нового теоретического уровня, позволяющего раскрывать мир исторических событий в их конкретной взаимосвязи и взаимобусловленности.

Вот почему представляется весьма своевременным прозвучавший со страниц журнала "Новая и новейшая история" призыв к интенсификации изучения теоретико-методологических проблем исторической науки³. Нельзя не согласиться с Н.И. Смоленским, связывающим с таким изучением дальнейший прогресс исторической науки, как и с формулируемым им перечнем вопросов, настоятельно нуждающихся в тщательном исследовании, хотя, разумеется, этот перечень и не является исчерпывающим.

Вместе с тем полагаю, что это исследование будет особенно плодотворным в том случае, если мы сумеем найти стержень, объединяющий изучение отдельных теоретико-методологических проблем в нечто цельное. Таким стержнем может стать обоснование целостной исторической теории как теории "среднего уровня", имеющей дело непосредственно с деятельностью человека в истории.

В советской литературе уже имеется аналогичная постановка вопроса. Весьма категорично мысль о том, что "историческая наука должна обладать своим собственным уровнем теории", выражает М.А. Барг⁴. "Если нет сомнений в том, — развивает он эту мысль в специальном исследовании, — что история как наука включает специфический для нее уровень теоретического знания, то из этого следует, что нет для нее в настоящее время задачи более актуальной, чем необходимость, опираясь на марксистскую философию, разработать соответствующую этому уровню систему категориального знания, находящуюся на "полпути"

² Curtin Ph. Dept, Span and Relevance. — The American Historical Review, 1984, v. 89, № 1, p. 2. Ср. констатируемые В. Моммзенем жалобы, что в ФРГ отсутствуют современные синтетические исследования среднего уровня, не говоря уже о больших "универсально-исторических трудах". — Mommsen W.J. Gegenwärtige Tendenzen in der Geschichtsschreibung der Bundesrepublik Deutschland. — Historismus und moderne Geschichtswissenschaft. Stuttgart-Wiesbaden, 1977, S. 110.

³ См. Смоленский Н.И. О состоянии изучения теоретических проблем исторической науки. — Новая и новейшая история, 1990, № 4.

⁴ Барг М.А. О двух уровнях исторического познания. — Вопросы философии, 1984, № 8, с. 111.

между общими законами и категориями исторического материализма, с одной стороны, и исследовательской методикой историка — с другой”⁵.

Книга М.А. Барга может рассматриваться как первый значительный опыт специального изучения системы категориального знания, ориентированного именно на изучение истории. Отметим, в частности, обстоятельный анализ категорий исторического времени и исторического факта, принципа системности в историческом исследовании, а также освещение под этим углом зрения некоторых фундаментальных теоретических проблем истории средних веков и раннего нового времени.

Вызывают, однако, сомнения некоторые исходные посылки М.А. Барга. Он рассматривает категории исторической науки как безусловно производные от категорий марксистской философии, призванные дать необходимую теоретическую и логическую конкретизацию общих положений материалистического понимания истории. При этом подчеркивается, что “у марксистской социологии и историографии один и тот же объект изучения — глобальная история человечества”. Различаются же они лишь “уровнем сущности”, на котором она изучается⁶.

Думается все же, что в действительности дело обстоит не совсем так. Прежде всего, трудно согласиться, что объектом изучения исторической науки является глобальная история человечества, пусть и на уровне внутриформационного региона или его отдельной стадии. Историков интересуют конкретные события или процессы, и даже обращаясь, подобно Шлоссеру или современным большим коллективам, к изучению всемирной истории, они восходят к общему от конкретного, индивидуального, частного. Какими бы сюжетами ни занимался историк, какие бы цели он перед собой ни ставил, непосредственным предметом его исследования всегда является конкретная историческая действительность. В зависимости от своих теоретических взглядов разные историки могут далеко расходиться между собою в определении исследовательской задачи — от простого описания того или иного конкретного события до выявления определенных закономерностей, объясняющих ход событий в известных пространственно-временных рамках. Но во всех случаях в центре их внимания находится человек, в процессе деятельности которого вершится сама история.

Это означает, что теория, претендующая на осмысление конкретного движения истории, воплощенного в определенных исторических ситуациях, совокупность которых и образует органическую ткань исторического процесса, должна концептуализироваться вокруг деятельности человека. Уже поэтому историческая теория не может быть простым проявлением социологической теории, а ее категории — производными от социологических. Задача, следовательно, заключается не в том, чтобы “выводить” категории исторической науки из марксистской (или любой другой) философии, а в том, чтобы, используя, конечно, философские (социологические) ориентиры, разрабатывать собственный категориальный аппарат исторической науки.

Сам принцип формирования этого аппарата определяется природой исторической теории как теории исторического действия. Соответственно этому категории исторической науки призваны в своей совокупности помочь историку понять, как совершается это действие, каковы его движущие силы и присущие ему закономерности в их пространственно-временной определенности.

Отсюда проистекает значение исторической альтернативности как ключевой в системе категорий исторической науки. Ибо, обосновывая альтернативный характер исторического процесса, проясняя природу и границы альтернативности в истории, она, собственно, и может дать ответ на вопрос, как движется история и почему она движется именно так. Принципиальное значение этой категории заключается в том, что она предупреждает всякую догматизацию истории, с каких

⁵ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 24.

⁶ Там же, с. 24—25.

бы позиций она ни совершалась. Признание альтернативности в истории исключает упрощенно-детерминистский подход к ней, будь это представление об историческом процессе как реализации божественного плана или неуклонном прогрессе производительных сил, определяющем все другие стороны жизни общества.

Однако отрицание жестких однолинейных детерминистских схем ни в коей мере не означает уступки субъективистско-волюнтаристским взглядам на развитие человеческого общества. Альтернативность в истории не является абсолютной, она имеет свои объективные рамки, образуемые совокупностью конкретно-исторических обстоятельств, в которых протекает деятельность человека. Поэтому в марксистской исторической теории категория исторической альтернативности должна выступать в органической связи и диалектическом взаимодействии с категориями, отражающими объективную сторону исторического процесса (историческая необходимость, причинность в истории и т.п.).

При этом важно подчеркнуть, что названные категории не являются простыми "производными" от соответствующих социологических категорий, взятыми исторической наукой "напрокат" у философии, а обладают значительной спецификой, позволяющей характеризовать их как самостоятельные, отражающие именно ту реальность, с которой имеет дело историк. Эта специфика выражается, в частности, в том, что категории исторической науки представляют собою органический сплав объективного и субъективного начал. Отражая объективные связи реального мира, они вместе с тем формулируют и условия его преобразования, связанные с действием в истории субъективного фактора. Именно в процессе этого действия творится история, складывается та бесконечная цепь событий, которые и "составляют человеческую деятельность во всех ее сферах, начиная с производства материальных благ и кончая наиболее абстрактными сферами интеллектуального творчества", и вне которой не может быть никакой истории вообще ⁷.

Будучи ориентированными на изучение этого мира событий как сферы человеческой деятельности, категории исторической науки по природе своей несут субъективно-объективный характер с выраженным акцентом на первой части этой формулы ⁸. Отсюда следует, что историческая теория как теория исторического действия, объясняющая формирование и функционирование конкретных исторических закономерностей, будет научно эффективной лишь тогда, когда в фокусе ее окажется человек, творящий историю. Так переосмысливается знаменитая максима Протагора о человеке как мере всех вещей, вне многообразной деятельности которого ничего в истории не происходит.

Но в этом своем качестве и сам человек — существо многомерное, несводимое к какой-либо одной ипостаси, пусть и такой действительно важной, какой является "хомо экономикус". Следовательно, историческая теория, стремящаяся охватить все факторы, так или иначе влияющие на историческую действительность человека, в своей основе плюралистична. В этом смысле ей присущ методологический плюрализм, отличающий ее от теории социологической.

Разумеется, он не равнозначен методологическому эклектизму — уже потому, что предполагает диалектическую взаимосвязь факторов исторического действия и их определенную субординацию. В противоположность эклектическому подходу он исходит в анализе тех или иных исторических явлений из принципа системности. Но как раз такой системный подход, требующий целостного рассмотрения изучаемого явления, предостерегает от упрощенного монизма в интерпретации истории. Поскольку всякое историческое событие является совокупным результатом действия многих факторов как объективного, так и субъективного порядка,

⁷ См. *Данилов А.И.* Историческое событие и историческая наука. — Средние века. Вып. 43. М., 1980, с. 17.

⁸ Обоснование этого см.: *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989, с. 32–36.

историческая теория, претендующая на его объяснение, необходимо должна ориентироваться на выяснение действия этих факторов в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

При этом в различных конкретно-исторических условиях на первое место по своей значимости может выдвигаться то один, то другой фактор. Поэтому в отличие от социологической теории, формулирующей общие тенденции социального развития и указывающей в этой связи на производство и воспроизводство действительной жизни как на момент, в конечном счете определяющий исторический процесс⁹, историческая теория, объясняющая механизм конкретного исторического действия, должна учитывать множество факторов, определяющих это действие, без априорно принятой их иерархии.

Такая иерархия в каждом случае обуславливается конкретным соотношением сил, формирующих данную историческую ситуацию, и роль исторической теории в том и состоит, чтобы выяснить, во-первых, круг факторов исторического действия, во-вторых, природу их взаимодействия и, наконец, предоставить в распоряжение историка категориальный аппарат, способный помочь ему адекватно изобразить движение истории как продукт деятельности человека в связи с объективными условиями, в которых она разворачивается.

Но в какой мере такое изображение может претендовать на значение "объективно-истинного"? Вопреки прямому предостережению Ф. Энгельса, подчеркивавшего относительный характер всякого познания, в особенности исторического¹⁰, в советской науке ответ на этот вопрос часто давался упрощенно однозначный. Более того, многие годы она претендовала на монопольное обладание истиной.

Сегодня очевидно, насколько эти претензии были далеки от действительности. Речь идет не только о многочисленных "белых пятнах" и прямых искажениях исторического прошлого. Дело в самой природе отношений между наукой и обществом, исключающей возможность существования социально независимого знания, и более широко — в характере субъектно-объектных отношений в процессе познания, неизбежно сказывающихся на его результатах. Осознание этого не только должно избавить нас от застарелого предрассудка, будто существует одна единственная истина, счастливыми обладателями которой мы являемся по праву своего марксистского первородства, но и побудить к пересмотру самой проблемы объективности исторического познания.

К этому пересмотру побуждает весь опыт истории. Герой известного романа Умберто Эко восклицает: дьявол — "это истина, никогда не подвергающаяся сомнению"¹¹. Справедливость этого положения подтверждает история тоталитарных режимов, все действия которых освящались идеологическими постулатами, утверждавшими непреложные истины во всех сферах жизни общества, конечно, и в его истории. Какое же здесь могло быть сомнение! Но где нет сомнения, нет и подлинного знания. В частности, сомнения в автономности научного познания вообще, исторического в особенности, его независимости от многообразных искажающих влияний окружающего исследователя внешнего мира.

Даже история естествознания убедительно свидетельствует об относительности всякой научной истины, ее обусловленности обстоятельствами времени своего появления. В еще большей степени это справедливо в отношении общественных наук. Ведь они занимаются самопознанием общества, которое никак не может быть незаинтересованным, а следовательно, беспристрастным, не зависящим от многочисленных разнонаправленных импульсов, испытываемых ученым в процессе познания и, соответственно, отражающихся на его работах. Трудно что-либо

⁹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 87–91.

¹¹ Эко У. Имя розы. М., 1989, с. 408.

возразить классику американского релятивизма Ч. Бирду, когда он прокламировал, что "никакой историк не может описывать прошлое, как оно действительно было... работа всякого историка — т.е. его отбор фактов, то, что он подчеркивает и опускает, их организация, его метод подачи материала — имеет отношение к его собственной личности и эпохе и обстоятельствам, в которых он живет"¹². Но это означает неустранимость субъективного момента из процесса познания, а следовательно, и релятивизацию его результатов.

С другой стороны, многомерность человека обуславливает и многомерность истины о нем, возможной, однако, лишь в идеале. В реальной же действительности истина, как правило, является одномерной, отражающей преимущественно какую-либо одну сторону человеческой деятельности, поэтому неполной, одно-сторонней, ограниченной, несущей, наконец, неизгладимую печать своего времени. То, что еще вчера представлялось "объективно-истинным", сегодня воспринимается как ложное. Напротив, то, что когда-то казалось ложным, сегодня претендует на ранг непререкаемой истины. Такими превращениями полна вся история науки, в особенности же они характеризуют ее переломные периоды.

История науки содержит и другой поучительный урок. Подобно тому, как не может быть монопольного права на обладание истиной, не может быть и единственно верного пути к ней. Различные методологические подходы высвечивают разные грани изучаемого явления, содействуя таким образом его более адекватному постижению. Борьба же за "чистоту" методологии нередко оборачивается схематизацией истории, искажением ее действительного содержания.

Все это требует гораздо более основательной разработки проблемы объективности исторического познания, чем та, что имеет место в нашей литературе, в том числе и в работах автора этих строк. На смену простому декларированию объективности марксистской исторической науки должно прийти тщательное исследование предпосылок, возможностей и пределов адекватного отражения исторической действительности. Усвоение определенной дозы релятивизма будет способствовать выработке более трезвого взгляда на проблему исторической объективности. Не отвергая принципиальную возможность получения объективно-истинного знания о прошлом как главной цели исторической науки, необходимо сосредоточить усилия на выяснении действительной природы знаний, которыми оперирует историк.

Здесь мы возвращаемся к исторической теории. Именно она формирует и обосновывает тот методологический инструментарий, с помощью которого исследователь добывает и верифицирует истину, обретающую форму научного исторического факта. Но, как справедливо подчеркивает Н.И. Смоленский, "наиболее адекватно исторические факты оцениваются в структуре представлений на уровне теории"¹³. А следовательно, убедительность такой оценки, основательность ее претензий на общезначимость напрямую зависит от степени разработки этой теории, научной эффективности охватываемых ею основных понятий, с которыми работает историк.

И, наконец, последнее. Уровень исторической теории значительно менее идеологизирован, чем уровень теории социологической, что создает благоприятную почву для продуктивного сотрудничества с историками-немарксистами, решающими, в сущности, ту же задачу. Конечно, сегодня едва ли возможна теория, в равной мере приемлемая для всех историков независимо от их мировоззренческих позиций. Однако это не исключает возможности конструктивного диалога — взаимовлияния на уровне исторической теории между исследователями, исповедующими различные идейные убеждения. Отметим, в частности, возможности, которые представляют для научного осмысления исторической действитель-

¹²The Philosophy of History in our Time. Ed. H. Meyerhoff, New York, 1959, p. 139.

¹³ Смоленский Н.И. Указ. соч., с. 205.

ности взгляды Макса Вебера¹⁴, равно как и новейшие достижения целого ряда интенсивно развивающихся на Западе исторических дисциплин, подобно исторической антропологии, истории ментальностей, психоистории и других, обогащающих наше понимание исторической деятельности человека, а тем самым способствующих более глубокому постижению прошлого на уровне исторической теории.

С другой стороны, хорошо известен стойкий интерес к марксистским конструкциям западных теоретизирующих историков. Оставаясь на принципиально плюралистических позициях, они вместе с тем усматривают в материалистическом понимании истории один из важнейших теоретических источников осмысления исторической эмпирии, ибо, резюмирует Б. Бейлин, "марксистское видение является мощной силой в нашем понимании прошлого, каким бы ни был наш собственный подход к истории"¹⁵. Так открывается широкое поле для творческого взаимодействия марксистской и немарксистской историко-теоретической мысли в решении одной из актуальнейших проблем исторического познания — обоснования самостоятельной исторической теории.

¹⁴ См.: *Топольский Е.* Методология истории и исторический материализм. — Вопросы истории, 1990, № 5, с. 14. На "параллели с марксистской методологией" в веберовских построениях на уровне исторической теории указывает и В. Моммзен. — *Моммзен В.* Макс Вебер и историческая наука. — Новая и новейшая история, 1990, № 4, с. 61.

¹⁵ *Bailyn B.* The Challenge of Modern Historiography. — *The American Historical Review*, 1982, v. 87, № 1, p. 6. При этом речь идет не только о сфере социально-экономических отношений. Подчеркивается "явный марксистский вклад" в интеллектуальную историю, состоящий "в разработке ценностей и политического сознания различных угнетенных социальных групп" (*Henretta J.A.* Social History as Lived and Written. — *The American Historical Review*, 1979, v. '84, № 5, p. 1304).